

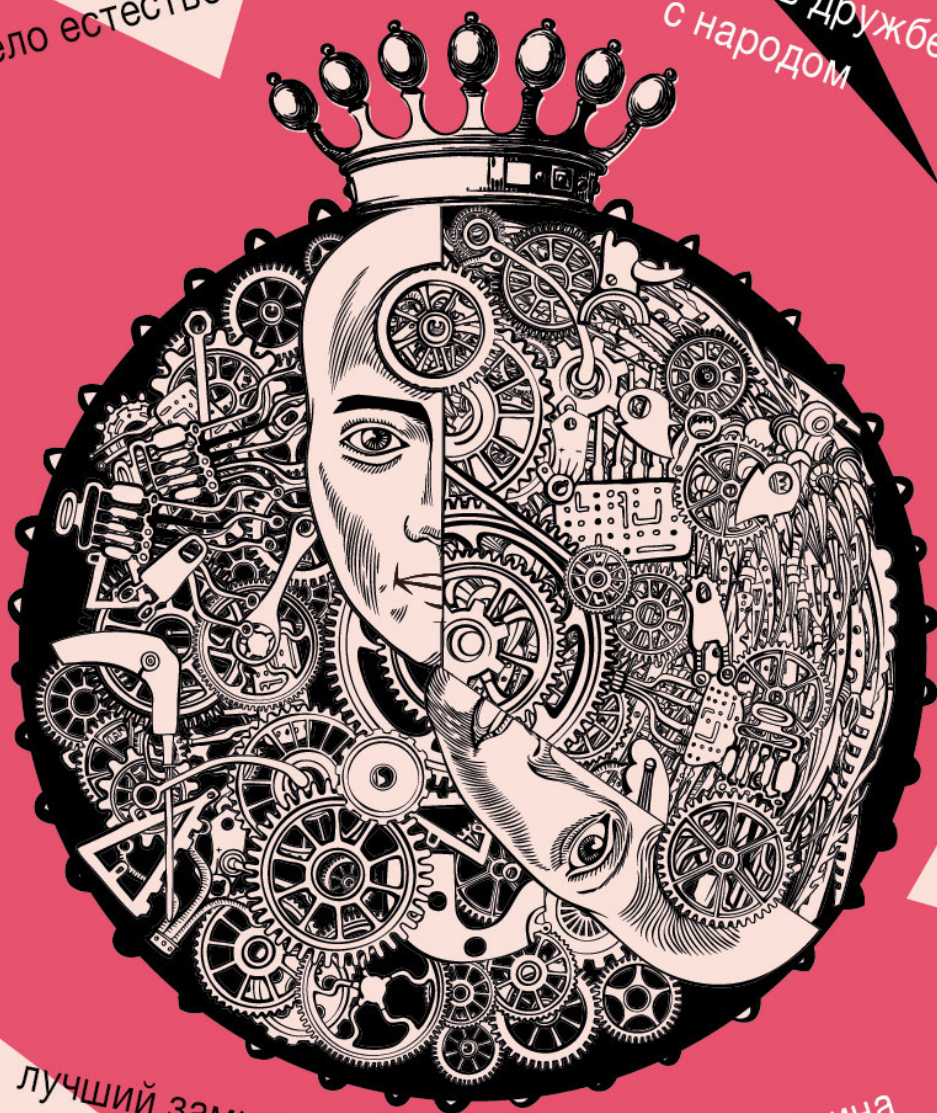
НИККОЛО

МАКИАВЕЛЛИ

время государя
с комментариями и объяснениями

страсть к завоеваниям —
дело естественное и обычное

государю надлежит
быть в дружбе
с народом

лучший замысел —
тот, который
скрыт от неприятеля

дисциплина
на войне важнее
стремительности

Философия на пальцах

Никколо Макиавелли

Время государя

«Издательство АСТ»

до 1527 г.

УДК 32(091)
ББК 66.1(0)

Макиавелли Н.

Время государя / Н. Макиавелли — «Издательство АСТ», до
1527 г. — (Философия на пальцах)

ISBN 978-5-17-108040-2

Никколо Макиавелли часть своей жизни посвятил государственной службе. Его опыт и наблюдения за методами управления политиков стали основой трактата «Государь», известного сегодня во всем мире. Макиавелли в нем выступил сторонником сильной власти, ради укрепления которой допускал и коварство, и предательство, и насилие. Конечно, подобное вызвало противоречивые мнения, а Католическая церковь внесла его труд в списки запрещенных книг. И тем не менее идеи этого историка и философа о методах управления, о способах получения власти, о том, какими качествами должен обладать правитель и от чего зависит успех проводимых им реформ, нашли свое применение в области политики и актуальны по сей день. В книгу вошло также произведение «О военном искусстве», в котором автор, не будучи военным и приобретя свои знания в теории, высказал настолько глубокие идеи, что они охватили самые разные стороны человеческой жизни. Работы Макиавелли столь афористичны, что давно разошлись на цитаты, которые мы часто произносим, даже не догадываясь, кто их автор. Тексты настоящего издания снабжены подробными комментариями и разъяснениями. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 32(091)
ББК 66.1(0)

ISBN 978-5-17-108040-2

© Макиавелли Н., до 1527 г.
© Издательство АСТ, до 1527 г.

Содержание

Две жизни Макиавелли	7
Государь	11
Глава I	13
Глава II	14
Глава III	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Никколо Макиавелли
Время государя. С
комментариями и объяснениями

© Э. Вашкевич, составление, предисловие, преамбулы к текстам, комментарии, 2018

© Г. Муравьева, перевод с итальянского, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Две жизни Макиавелли

Никколо Макиавелли родился 3 мая 1469 года в деревне Сан-Кашано, рядом с Флоренцией – городом и государством, которому посвятил всю свою жизнь. Его рождение пришлось на удивительную эпоху, эпоху глобальных перемен в мире, когда на смену феодализму, уже почти ставшему прошлым, спешил новый социальный строй, предлагавший образование и обогащение вне зависимости от происхождения. Правители с почтением прислушивались к мрачным откровениям фанатика Савонаролы и в то же время покровительствовали наукам и искусствам. Все смешалось, и разобраться в этом смешении было весьма непросто. Эта эпоха требовала новых людей: образованных, открытых новым идеям, с острым умом и проницательным взглядом. Именно таким и был Никколо Макиавелли: политиком и историком, философом и теоретиком политики, военным деятелем и писателем, поэтом и дипломатом.

Его происхождение соответствовало требованиям времени: с одной стороны семья Макиавелли относилась к пополам – так называли торговцев и ремесленников в городах Северной и Центральной Италии в XII–XV веках (отец Никколо был практикующим юристом), но с другой – Макиавелли были нобилиями, то есть аристократами-феодалами.

Говорят, Гай Юлий Цезарь сказал, что лучше быть первым в провинции, чем вторым в Риме, но при этом сам в провинции оставаться не пожелал. Сегодня мы можем наблюдать ту же тенденцию: тот, кто мог бы стать первым в провинции, стремится к удобствам и перспективам, предлагаемым столицами. И это вовсе не тенденция современности. Уже во времена Макиавелли нобили жаждали стать пополами, сменить свою аристократическую феодальную власть на жизнь больших городов с их возможностями и перспективами. У юного Никколо было все, о чем многие только мечтали: голубой дворянский крест с пополанской красной линией. Это позволило ему получить прекрасное образование в стиле раннебуржуазной культуры Возрождения.

Заметим, что сам Макиавелли считал свою семью бедной. Уже будучи зрелым мужем и автором известных книг, он написал: «Я родился бедным и скорее мог познать жизнь, полную лишений, чем развлечений». При этом его семья жила в трехэтажном каменном доме, у отца был вполне приличный доход, и он даже мог позволить себе такое дорогое хобби как личная библиотека. Правда, эта библиотека в основном состояла из книг юридических, связанных с профессией, а остальные приходилось брать на время (подобно тому, как сейчас мы пользуемся услугами библиотек) – уж очень дороги были книги, а доход юриста был все же весьма и весьма далек от доходов первых фамилий Флоренции. Подобное обстоятельство делало вполне правомерным замечание Макиавелли о бедности своей семьи. Семья Макиавелли не была нищей, но не была и богатой – сейчас такие семьи принято называть средним классом, и именно из них чаще всего выходят выдающиеся личности. Что и произошло в данном случае.

Образование Никколо Макиавелли не было полностью домашним, хотя он постоянно читал книги, приносимые отцом, – в основном это были античные авторы, что формировало свободное, незашоренное мышление мальчика. В возрасте семи лет его отдали в школу для обучения грамматике, а через год – в городскую школу, где изучали латинских классиков. В городской школе Никколо провел три года, а затем к чтению была добавлена математика, а еще через год – латинская стилистика.

А вот в университете Макиавелли не учился – в те времена подобное образование стоило очень дорого и было доступно лишь немногим. Представители же среднего класса, как Никколо Макиавелли, могли только мечтать об университетской скамье. Однако многие исследователи считают, что отсутствие университетского образования в данном случае является плюсом, а не минусом. Дело в том, что в конце XV столетия университетская наука представляла собой формалистическую схоластику, то есть была основана на отвлеченных рассуждениях,

не подтверждаемых опытом. Знания такого рода мало применимы на практике, так как полностью оторваны от реальной жизни. Современные историки и исследователи утверждают, что в результате того, что обучение в университете было для Макиавелли невозможным, у него выработался самобытный и оригинальный стиль мышления, а впоследствии и литературный, не ограниченный никакими привнесенными извне отвлеченными идеями, но – сугубо практический и практичный. Необходимо заметить, что ряд исследователей убеждены, что никакая университетская схоластика тех времен не смогла бы негативно повлиять на систему мышления и мировоззрения Никколо Макиавелли – постоянное чтение и изучение античных классиков успешно препятствовало такому влиянию.

Образование, полученное Макиавелли, дополнялось любовью к музыке, а такое увлечение не только украшает жизнь, но и стимулирует творческую деятельность. Кроме того, он с самого детства читал различных латинских авторов, от Тацита до Вергилия. Не зная греческого языка, Макиавелли тем не менее изучал греческих философов в переводах и неплохо знал Геродота, Плутарха, Аристотеля, Фукидида и других. Его интересовали Данте и Петрарка, он изучал творчество первых итальянских поэтов, сравнивая их описания с тем, что видел ежедневно.

Именно такое сравнение и привело Макиавелли к идее, что человеческая натура является в сущности неизменной и человек все такой же, как был во времена пещер и мамонтов, изменяются лишь внешние характеристики. Как говорил известный герой Михаила Булгакова, «... обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их...»

Идеи такого рода закономерным образом приводят к мысли использовать мудрость античных авторов не просто как исторические факты и примеры, но как вполне современный жизненный опыт – естественно, с поправкой на изменяющиеся внешние обстоятельства. Не удивительно, что именно Никколо Макиавелли написал трактат «Государь» – практическое, а не теоретическое руководство по управлению государством. Именно Никколо Макиавелли, не будучи военным, написал трактат «Военное искусство» – практическое руководство по ведению военных действий. И поэтому «История Флоренции» Никколо Макиавелли является срезом жизни современной ему Италии в той же степени, в какой его собственная жизнь и жизнь его семьи является срезом процессов, происходивших в обществе XV столетия.

Творческий размах Макиавелли некоторые исследователи и ученые сравнивают с Леонардо да Винчи и Микеланджело. Такое сравнение вполне правомерно, ведь Макиавелли не только обладал живым и образным литературным языком и глубиной мышления настоящего философа, но в своих произведениях непременно основывался на опыте (заметим, что это было неременное требование Леонардо да Винчи к любому творцу, от художника до ученого).

Молодой Макиавелли зарекомендовал себя как человек образованный, да еще и неплохо ориентирующийся в юриспруденции, – считается, что юридическое образование Никколо получил от отца, но возможно, это было и самообразование с помощью отцовской библиотеки и эпизодических наставлений отца. Такой человек был необходим Флоренции, и в возрасте двадцати девяти лет Никколо Макиавелли стал секретарем Второй канцелярии – весьма ответственной должностью политического и дипломатического характера.

В те времена взрослые рано – жизнь была в достаточной степени жестока, и с раннего возраста приобретался суровый жизненный опыт. И Никколо Макиавелли с раннего детства познакомился не только с теорией политики, но и с ее практикой. Так, в девятилетнем возрасте из окна Палаццо Веккьо он наблюдал за казнью заговорщиков Пацци, которых повесили по приказу Медичи. В двадцать три года Макиавелли видел изгнание некогда всемогущих Медичи из Флоренции, а в двадцать девять лет – казнь Савонаролы, который, казалось, надежно владел людскими умами и даже душами. Несколько раз Флорентийская республика была на краю гибели – и наблюдение за этим процессом воспитывало Макиавелли-политика,

Макиавелли-дипломата, который своей главной целью поставил сохранение и укрепление Флоренции.

Четырнадцать лет Макиавелли успешно работал на своем посту. При этом его неизменно переизбирали на должность даже при смене правительства республики. Медичи сменил Савонарола, на смену фанатику-монаху вновь пришли Медичи, а Макиавелли продолжал свою работу. Тысячи дипломатических писем, донесений, распоряжений и приказов, проектов государственных законов и других документов не просто прошли через руки Макиавелли, но были составлены им. На его счету тринадцать дипломатических поездок (в том числе и военно-дипломатических), выполнение крайне сложных поручений у итальянских правителей и в республиках, у Папы, императора Священной Римской империи и даже у французского короля.

Небольшой статистический факт: только служебных писем, написанных лично Никколо Макиавелли, во Флорентийском государственном архиве имеется более четырех тысяч! А ведь у него не было ни компьютера, ни другой техники, которая могла бы облегчить труд. Каждое письмо было не только составлено, но и написано Макиавелли собственноручно. А ведь он писал не только письма. Титанический труд!

При этом современники отзываются о Макиавелли как о человеке с характером живым и общительным. Его считали душой вечеринок, он обладал отличным чувством юмора – в этом можно убедиться, ознакомившись с его художественными произведениями. Макиавелли тщательно следил за своим внешним видом, хорошо одевался и не экономил на этом, хотя его уровень дохода был весьма средним. Но если речь шла о представлении республики перед иностранцами, то Макиавелли был готов отдать последнее, лишь бы выглядеть как можно более импозантно, – он считал, что в этом случае является лицом своего государства.

Кстати сказать, подобный принцип был использован во время Ялтинской конференции союзных держав в феврале 1945 года, когда советская сторона устраивала прием для союзников, – специально для этого банкета был приглашен шеф-повар, обучавшийся еще при императорском дворе, было составлено уникальное меню. Впоследствии это получило название «кулинарная акция», и вполне оправданно – роскошная серия банкетов, которые давала советская сторона, демонстрировала Англии и США, что Советский Союз полон сил и имеет в своем распоряжении нетронутые ресурсы, что СССР вовсе не так истощен войной, как хотелось бы союзникам, и не будет легкой добычей после победы над Германией. И успех переговоров в Ялте частично был обеспечен и роскошью банкетных столов – вполне в стиле и духе Никколо Макиавелли!

Макиавелли был женат – он вступил в брак в возрасте тридцати трех лет (как считается, возраст Христа является возрастом глобальных изменений для любого человека, и Макиавелли еще раз подтвердил это мнение), а через год уже смог взять на руки своего первого ребенка. Он постоянно беспокоился о семье, старался обеспечить материальный достаток, при выполнении дипломатических миссий стремился домой, но в то же время никогда не оказывал предпочтения семейным делам перед политическими и дипломатическими. Все же Макиавелли всю свою жизнь посвятил Флорентийской республике, и семья нередко должна была уступать его Флоренции.

Формально у Макиавелли было две жизни. В первой из них он занимался государственными делами на практике, был дипломатом и политиком. Но бессмертие ему принесла вторая жизнь, когда он попал в опалу, был обвинен в заговоре и даже арестован. Арест закончился освобождением – на папский престол был избран Джованни Медичи, который стал Папой Львом X, и в связи с этим объявили амнистию. Макиавелли был освобожден, но о возвращении к активной политической и государственной деятельности речи не было. Макиавелли направился в свое поместье около Флоренции.

Пасторальные пейзажи Италии прекрасны и способны обрадовать любого художника, но Никколо Макиавелли был государственным деятелем, известным политиком – и вдруг ока-

зался не у дел. А ведь он был знатоком своего дела, при этом позволял себе не только робкую критику вышестоящих, но делал это открыто и с изысканным умением того, кто действительно знает лучше и чувствует себя вправе поучать других, пусть даже и обладателей более высоких должностей или недосыгаемости происхождения. Для него пейзажи, дивно украшенные облачно-овечьими стадами, представляли собой духовную гибель, причем в таких страшных муках, которые не снились даже в «Аду» Данте Алигьери.

Но Никколо Макиавелли был не просто политиком и дипломатом, он в первую очередь был мыслителем и писателем, так что не удивительно, что он с сугубо практической деятельности переключился на теоретическую. Макиавелли собрал все свои знания, весь свой богатый политический и дипломатический опыт, все накопленное им за четырнадцать лет практической деятельности, а также все, что прочел у древних философов и современных ему мыслителей, и начал писать. Так родились бессмертные произведения, которые до сих пор представляют интерес для людей различных профессий и рода деятельности, начиная от историков и заканчивая бизнесменами и политиками. Тесно сплетая в единое целое теорию и практику, Макиавелли создал своего «Государя», «Рассуждения», «О военном искусстве» и «Историю Флоренции».

Макиавелли так определил цель своих литературных работ: «...я выскажу смело и открыто все то, что я знаю о новых и древних временах, чтобы души молодых людей, которые прочтут написанное мной, отвернулись бы от первых и научились подражать последним... Ведь долг каждого честного человека – учить других тому доброму, которое из-за тяжелых времен и коварства судьбы ему не удалось осуществить в жизни, с надежной на то, что они будут более способными в этом». Да, Никколо Макиавелли в какой-то степени был идеалистом, он идеализировал древние времена, считая их более чистыми по сравнению со своей современностью, и жаждал приобщить других к таким высоким идеалам. Пусть он ошибался в своей идеализации, но идеалы действительно были высоки!

Макиавелли было пятьдесят восемь лет, когда он попытался вернуться к государственной деятельности: он предложил свою кандидатуру на пост канцлера республики. Однако его признали неподходящим для данной должности, мотивируя отказ тем, что его жизнь не соответствовала обычаям и религии. Одной из причин отказа было то, что он якобы «ел скромное в день святой пятницы», а один из отцов города заявил, что Макиавелли посещает не только трактиры, но – о ужас! – библиотеки, где читает «старые книжонки». В результате Большой Совет республики провозгласил: «Долой философов! Долой ученых!» – и Макиавелли получил категорический отказ.

Вскоре после этой травли Никколо Макиавелли умер – 21 июня 1527 года. Его похоронили в церкви Санта-Кроче. Сегодня это флорентийский пантеон, где нашел последний приют не только Макиавелли, но и Микеланджело, Галилей и другие великие творцы Италии.

Эльвира Вашкевич

Государь

Читать трактат Макиавелли «Государь» любопытно будет не только тем, кто интересуется политикой и социологией, но прежде всего историей. Макиавелли проделал весьма солидную работу: под каждое свое теоретическое положение он подводит изысканный фундамент примеров, начиная от седой древности и заканчивая временем, в котором он жил. Поэтому трактат «Государь» можно смело рассматривать как исторический труд, занимательный для тех, кто интересуется историей человеческой цивилизации.

При этом следует заметить, что Макиавелли склонен к небольшой подтасовке исторических реалий. С истинно итальянской непринужденностью он весьма вольно обращается с фактами, в некоторых случаях даже меняя местами причину и следствие. Характерно, что выводы, которые он делает, опираясь на подобного типа факты, тем не менее совершенно легитимны и верны. Макиавелли ведет себя подобно многим исследователям, имеющим теорию, которую необходимо подтвердить экспериментальными данными. Однако по какой-то причине данные эксперимента либо не соответствуют теории, либо эксперимент просто невозможен (к примеру, из-за отсутствия соответствующих технологий). Но теоретик, абсолютно уверенный в своей правоте, в таком случае может и несколько лукавить, komponуя и представляя факты практики таким образом, чтобы они полностью подтверждали имеющуюся теорию. Примеров подобного множество, и Макиавелли тут совсем не одинок. При этом он выгодно отличается от других теоретиков, играющих фактическим материалом: его построения базируются не просто на уверенности исследователя, но столетия «исторического эксперимента», прошедшие со времени написания трактата, доказали правоту его выводов вне зависимости от зыбкости исходных посылок.

Фридрих II, король Пруссии, прозванный Великим, работая над своим трактатом «Анти-макиавелли», советовал предавать вечному забвению имена властителей, известных своими пороками и удерживающих за счет этого власть. Однако не зря ведь сказано, что тот, кто забывает свое прошлое, принужден пережить его вновь. А уж если говорить о пороках людей, облеченных государственной властью, то легко заметить, что они повторяются из века в век. И, имея перед собой временную шкалу, можно не только узнать прошлое, но и предугадать будущее. Фридрих называет науку государственного управления, «основанную на правосудии, остроумии и милосердии», истинной, однако как может быть истинным то, что противоречит историческим фактам и жизненным реалиям? И вряд ли действительно руководствоваться в политике утопией. Такой правитель рискует потерять не только собственную власть, но и государство как таковое – более предприимчивые соседи, не задумываясь, поглотят и территории, и ресурсы, а жителей этих территорий сделают рабами в угоду своим гражданам. История знает множество подобных примеров. Так что прежде чем отказываться от учения Макиавелли, необходимо полностью изменить человеческую мораль.

Заметим, что и сам Фридрих, отчаянно критикуя Макиавелли в молодости, будучи в те времена наследником престола, – став королем, благополучно применял на практике теории, изложенные в «Государе». Так, Фридрих расширял границы своего королевства правдами и неправдами, миром и оружием, нарушая имеющиеся соглашения и заключая новые, втайне от своих союзников. К примеру, в 1756 году Фридрих напал на Саксонию, которая была союзником Австрии, и в качестве обоснования подобного вероломства заявил, что это был «превентивный удар», что уже имеется русско-австрийская коалиция, которая собирается начать против Пруссии агрессивные действия. Такое обоснование впоследствии было не раз использовано в другие времена другими правителями. Тот же Гитлер, нападая на СССР, заявлял, что действует именно в рамках превентивного удара, и таким образом оправдывал нарушение пакта Молотова – Риббентропа.

Никколо Макиавелли – его светлости Лоренцо де Медичи¹

Обыкновенно, желая снискать милость правителя, люди посылают ему в дар то, что имеют самого дорогого, или чем надеются доставить ему наибольшее удовольствие, а именно: коней, оружие, парчу, драгоценные камни и прочие украшения, достойные величия государей. Я же, вознамерившись засвидетельствовать мою преданность Вашей светлости, не нашел среди того, чем владею, ничего более дорогого и более ценного, нежели познания мои в том, что касается деяний великих людей, приобретенные мною многолетним опытом в делах настоящих и непрестанным изучением дел минувших. Положив много времени и усердия на обдумывание того, что я успел узнать, я заключил свои размышления в небольшом труде, который посылаю в дар Вашей светлости. И хотя я полагаю, что сочинение это недостойно предстать перед Вами, однако же верю, что по своей снисходительности Вы удостоите принять его, зная, что не в моих силах преподнести Вам дар больший, нежели средство в кратчайшее время постигнуть то, что сам я узнавал ценой многих опасностей и тревог. Я не заботился здесь ни о красоте слога, ни о пышности и звучности слов, ни о каких внешних украшениях и затеях, которыми многие любят расцвечивать и уснащать свои сочинения, ибо желал, чтобы мой труд либо остался в неизвестности, либо получил признание единственно за необычность и важность предмета. Я желал бы также, чтобы не сочли дерзостью то, что человек низкого и ничтожного звания берется обсуждать и направлять действия государей. Как художнику, когда он рисует пейзаж, надо спуститься в долину, чтобы охватить взглядом холмы и горы, и подняться в гору, чтобы охватить взглядом долину, так и здесь: чтобы постигнуть сущность народа, надо быть государем, а чтобы постигнуть природу государей, надо принадлежать к народу.

Пусть же Ваша светлость примет сей скромный дар с тем чувством, какое движет мною; если Вы соизволите внимательно прочесть и обдумать мой труд, Вы ощутите, сколь безгранично я желаю Вашей светлости того величия, которое сулит Вам судьба и Ваши достоинства. И если с той вершины, куда вознесена Ваша светлость, взор Ваш когда-либо обратится на ту низменность, где я обретаюсь, Вы увидите, сколь незаслуженно терплю я великие и постоянные удары судьбы.

---

¹ Лоренцо ди Пьеро де Медичи, прозванный Великолепным (1449–1492), – флорентийский государственный деятель, глава Флорентийской республики, меценат и поэт. Семья Медичи правила Флоренцией более 60 лет.

Глава I

Какие бывают государства и как они приобретаются

Все государства, все державы, обладавшие или обладающие властью над людьми, были и суть либо республики, либо государства, управляемые единовластно. Последние могут быть либо унаследованными – если род государя правил долгое время, либо новыми. Новым может быть либо государство в целом – таков Милан для Франческо Сфорца; либо его часть, присоединенная к унаследованному государству вследствие завоевания, – таково Неаполитанское королевство для короля Испании.

Франческо Сфорца (1401–1466) – первый герцог Миланский из династии Сфорца, основатель миланской ветви династии, командир военного отряда в итальянском городе-коммуне. Так как Франческо Сфорца был первым герцогом Милана из династии Сфорца, Макиавелли называет государство новым – для данного правителя. В то же время династические войны в Неаполитанском королевстве в XV столетии привели к ослаблению государства до такой степени, что это королевство стало сателлитом Испании, сохраняя свою независимость лишь формально. Начиная с 1503 года и до середины XVIII столетия королями Неаполя были представители династии испанских Габсбургов. Именно поэтому Макиавелли определяет Неаполитанское королевство как присоединенное к унаследованному государству в результате завоевания.

Новые государства разделяются на те, где подданные привыкли повиноваться государям, и те, где они искони жили свободно; государства приобретаются либо своим, либо чужим оружием, либо милостью судьбы, либо доблестью.

Глава II

О наследственном единовластии

Я не стану касаться республик, ибо подробно говорю о них в другом месте. Здесь я перейду прямо к единовластному правлению и, держась намеченного выше порядка, разберу, какими способами государи могут управлять государствами и удерживать над ними власть.

Начну с того, что наследному государю, чьи подданные успели сжиться с правящим домом, гораздо легче удержать власть, нежели новому, ибо для этого ему достаточно не преступать обычая предков и впоследствии без поспешности применяться к новым обстоятельствам. При таком образе действий даже посредственный правитель не утратит власти, если только не будет свергнут особо могущественной и грозной силой, но и в этом случае он отвоюет власть при первой же неудаче завоевателя.

У нас в Италии примером может служить герцог Феррарский, который удержался у власти после поражений, нанесенных ему венецианцами в 1484 году и Папой Юлием в 1510-м, только потому, что род его исстари правил в Ферраре.

Герцог Феррарский – судя по указанным датам, Макиавелли имеет в виду сразу двух герцогов Феррары из рода д'Эсте: Эрколе I, правившего в 1471–1505 гг., и его сына Альфонсо I, правившего в 1505–1534 гг. Именно у Альфонсо был конфликт с Папой Юлием, в процессе которого герцог был отлучен от Церкви, а владения его Папа попытался реквизировать в пользу Церкви. Однако следует заметить, что удержать герцогство Альфонсу удалось исключительно благодаря военным союзам, сначала с Францией, а затем с Испанией и Францией. Именно удачный выбор союзников помог герцогу Феррарскому не только удержать само герцогство, но и вернуть города, уже отчужденные Римской церковью (Модену и Реджио). Так что данный пример нельзя считать абсолютно верным для такого тезиса. Хорошим примером является реставрация монархии в Англии в 1660 году после протектората Оливера Кромвеля. Стоило лишь умереть лорду-протектору, и протекторат был отменен, а главой государства стал Карл II Стюарт, сын казненного короля Карла I.

Ибо у государя, унаследовавшего власть, меньше причин и меньше необходимости притеснять подданных, почему они и платят ему большей любовью, и если он не обнаруживает чрезмерных пороков, вызывающих ненависть, то закономерно пользуется благорасположением граждан. Давнее и преемственное правление заставляет забыть о бывших некогда переворотах и вызвавших их причинах, тогда как всякая перемена прокладывает путь другим переменам.

Глава III

О смешанных государствах

Трудно удержать власть новому государю. И даже наследному государю, присоединившему новое владение, так что государство становится как бы смешанным, – трудно удержать над ним власть, прежде всего вследствие той же естественной причины, какая вызывает перевороты во всех новых государствах. А именно: люди, веря, что новый правитель окажется лучше, охотно восстают против старого, но вскоре они на опыте убеждаются, что обманулись, ибо новый правитель всегда оказывается хуже старого. Что опять-таки естественно и закономерно, так как завоеватель притесняет новых подданных, налагает на них разного рода повинности и обременяет их постоями войска, как это неизбежно бывает при завоевании. И таким образом наживает врагов в тех, кого притеснил, и теряет дружбу тех, кто способствовал завоеванию, ибо не может вознаградить их в той степени, в какой они ожидали, но не может и применить к ним крутые меры, будучи им обязан – ведь без их помощи он не мог бы войти в страну, как бы ни было сильно его войско. Именно по этим причинам Людовик XII, король Франции, быстро занял Милан и так же быстро его лишился. И герцогу Лодовико потому же удалось в тот раз отбить Милан собственными силами. Ибо народ, который сам растворил перед королем ворота, скоро понял, что обманулся в своих упованиях и расчетах, и отказался терпеть гнет нового государя.

Людовик XII, прозванный Отцом народа, – французский король из династии Валуа, правил с 1498-го по 1515 год. Наиболее значимыми событиями его правления были войны с Италией. Формально Людовик XII имел права на Миланское герцогство, так как был внуком Валентины Висконти, единственной дочери Джана Галеаццо Висконти, первого герцога Милана. Право на наследование Милана было одним из пунктов брачного контракта, заключенного между Валентиной Висконти и Людовиком Орлеанским, младшим братом французского короля Карла VI Безумного. В результате Людовик XII предъявил права на Милан и захватил его в сентябре 1499 года при поддержке местного населения, выражавшего недовольство правящим герцогом Лодовико Моро. Однако французы вели себя в Милане отнюдь не дружелюбно, пользуясь всеми правами захватчиков на отвоеванной территории, и миланцы активно поддержали герцога Лодовико при его возвращении через два месяца. Король Людовик был вынужден оставить город. Впоследствии Франция вернула себе Милан, но для второго захвата пришлось воспользоваться не помощью местного населения, которое уже не желало видеть французов в своем городе, а предательством наемников, которые выдали герцога Лодовико его врагам.

Правда, если мятежная страна завоевана повторно, то государю легче утвердить в ней свою власть, так как мятеж дает ему повод с меньшей оглядкой карать виновных, уличать подозреваемых, принимать защитные меры в наиболее уязвимых местах. Так, в первый раз Франция сдала Милан, едва герцог Лодовико пошумел на его границах, но во второй раз Франция удерживала Милан до тех пор, пока на нее не ополчились все итальянские государства, которые рассеяли и изгнали ее войска из пределов Италии, что произошло по причинам, названным выше. Тем не менее Франция оба раза потеряла Милан. Причину первой неудачи короля, общую для всех подобных случаев, я назвал; остается выяснить причину второй и разобраться в том, какие средства были у Людовика – и у всякого на его месте, – чтобы упрочить завоевание верней, чем это сделала Франция.

Начну с того, что завоеванное и унаследованное владения могут принадлежать либо к одной стране и иметь один язык, либо к разным странам и иметь разные языки. В первом случае удержать завоеванное нетрудно, в особенности если новые подданные и раньше не знали свободы. Чтобы упрочить над ними власть, достаточно искоренить род прежнего государя, ибо при общности обычаев и сохранении старых порядков ни от чего другого не может произойти беспокорства. Так, мы знаем, обстоит дело в Бретани, Бургундии, Нормандии и Гаскони, которые давно вошли в состав Франции; правда, языки их несколько различаются, но благодаря сходству обычаев они мирно уживаются друг с другом. В подобных случаях завоевателю следует принять лишь две меры предосторожности: во-первых, проследить за тем, чтобы род прежнего государя был искоренен, во-вторых, сохранить прежние законы и подати – тогда завоеванные земли в кратчайшее время сольются в одно целое с исконным государством завоевателя.

Но если завоеванная страна отличается от унаследованной по языку, обычаям и порядкам, то тут удержать власть поистине трудно, тут требуется и большая удача, и большое искусство. И одно из самых верных и прямых средств для этого – переселиться туда на жительство. Такая мера упрочит и обезопасит завоевание – именно так поступил с Грецией турецкий султан, который, как бы ни старался, не удержал бы Грецию в своей власти, если бы не перенес туда свою столицу.

Аналогичным образом поступил Адольф Гитлер, устраивая в 1942 году под Винницей комплекс вервольфа и переводя туда из прусского Растенбурга свою ставку и генеральный штаб. Однако военные действия складывались таким образом, что Гитлеру не удалось проверить данное положение об управлении государством: он посетил вервольф всего трижды, а последнее его пребывание закончилось в середине сентября 1943 года, так как уже в марте 1944 года все коммуникации ставки были уничтожены. Но кроме личного пребывания главы государства на завоеванных территориях во все времена широко практиковалось назначение заместителей: губернаторов, вице-губернаторов, гауляйтеров (в случае Гитлера) и так далее. Так, все колонии Великобритании управлялись губернаторами, назначавшимися королем и имевшими весьма широкие полномочия на территории колонии. Фактически губернаторы были заместителями короля и обеспечивали то самое «личное присутствие», о котором говорит Макиавелли.

Ибо только живя в стране, можно заметить начинающуюся смуту и своевременно ее пресечь, иначе узнаешь о ней тогда, когда она зайдет так далеко, что поздно будет принимать меры. Обосновавшись в завоеванной стране, государь, кроме того, избавит ее от грабежа чиновников, ибо подданные получают возможность прямо вызывать к суду государя, что даст послушным больше поводов любить его, а непослушным – бояться.

И если кто-нибудь из соседей замышлял нападение, то теперь он проявит большую осторожность, так что государь едва ли лишится завоеванной страны, если переселится туда на жительство.

Другое отличное средство – учредить в одном-двух местах колонии, связующие новые земли с государством завоевателя. Кроме этой есть лишь одна возможность – разместить в стране значительное количество кавалерии и пехоты. Колонии не требуют больших издержек, устройство и содержание их почти ничего не стоят государю, и разоряют они лишь тех жителей, чьи поля и жилища отходят новым поселенцам, то есть горстку людей, которые, обеднев и рассеявшись по стране, никак не смогут повредить государю; все же прочие останутся в стороне и поэтому скоро успокоятся, да кроме того, побоятся, оказав непослушание, разделить участь разоренных соседей.

Следует заметить, что возможны два варианта колонизации территорий: в результате завоевания (как, к примеру, было с американским доминионом) и мирным путем. Примером мирной колонизации в XX в. является колонизация Советским Союзом Восточной Европы, которая произошла в результате освобождения Восточной Европы от немецко-фашистских захватчиков во время Второй мировой войны. При этом была сохранена государственность стран Восточной Европы, а их статус был статусом полноправных союзников, а не просто колонизированных территорий.

Так что колонии дешево обходятся государю, верно ему служат и разоряют лишь немногих жителей, которые, оказавшись в бедности и рассеянии, не смогут повредить государю. По каковому поводу уместно заметить, что людей следует либо ласкать, либо изничтожать, ибо за малое зло человек может отомстить, а за большое – не может; из чего следует, что наносимую человеку обиду надо рассчитать так, чтобы не бояться мести. Если же вместо колоний поставить в стране войско, то содержание его обойдется гораздо дороже и поглотит все доходы от нового государства, вследствие чего приобретение обернется убытком; к тому же от этого пострадает гораздо больше людей, так как постой войска обременяет все население, отчего каждый, испытывая тяготы, становится врагом государю, а также враги могут ему повредить, ибо хотя они и побеждены, но остаются у себя дома. Итак, с какой стороны ни взгляни, содержание подобного гарнизона вредно, тогда как учреждение колоний полезно.

Колонизация была крайне популярна во все времена, начиная от Древнего мира и заканчивая знаменитыми колониями Великобритании. Обратите внимание на площадь американского континента, где говорят на английском языке, добавьте к ней Австралию – и удивитесь: такие громадные территории ухитрилась колонизировать крошечная Англия, не слишком обремененная населением. И это еще не считая других колоний, где население сохранило свои обычаи и язык (к примеру, Индия).

Следует заметить, что в тех случаях, когда метрополия мала, а колония велика, в конце концов возникает ситуация, когда колония желает отделиться от метрополии либо мирно, либо в результате восстания. Примерами являются и война за независимость Америки, и восстание в Индии. Когда большая колония богатеет, она перестает видеть смысл в том, чтобы кормить маленькую, но очень жадную метрополию.

В чужой по обычаям и языку стране завоевателю следует также сделаться главой и защитником более слабых соседей и постараться ослабить сильных, а кроме того, следить за тем, чтобы в страну как-нибудь не проник чужеземный правитель, не уступающий ему силой. Таких всегда призывают недовольные внутри страны по избытку честолюбия или из страха, – так некогда римлян в Грецию призвали этолийцы, да и во все другие страны их тоже призвали местные жители.

В 862 году, согласно «Повести временных лет», племенами ильменских словен, кривичей, мери и чуды были призваны варяги на княжение в Новгород – Рюрик с братьями Синеусом и Трувором. Именно это событие принято считать началом русской государственности. Так как Рюрик оказался сильным правителем, то к Новгородскому княжеству во времена княжения Рюрика примыкали более слабые соседи, либо как часть княжества, либо как союзники.

Порядок же вещей таков, что когда могущественный государь входит в страну, менее сильные государства примыкают к нему – обычно из зависти к тем, кто превосходит их силой, –

так что ему нет надобности склонять их в свою пользу, ибо они сами охотно присоединятся к созданному им государству. Надо только не допускать, чтобы они расширялись и крепили, и тогда, своими силами и при их поддержке, нетрудно будет обуздать более крупных правителей и стать полновластным хозяином в данной стране. Если же государь обо всем этом не позаботится, он скоро лишится завоеванного, но до того претерпит бесчисленное множество трудностей и невзгод.

Римляне, завоеывая страну, соблюдали все названные правила: учреждали колонии, покровительствовали слабым, не давая им, однако, войти в силу; обуздывали сильных и принимали меры к тому, чтобы в страну не проникло влияние могущественных чужеземцев. Ограничусь примером Греции. Римляне привлекли на свою сторону ахейцев и этолийцев, унизили Македонское царство, изгнали оттуда Антиоха. Но, невзирая ни на какие заслуги, не позволили ахейцам и этолийцам расширить свои владения, не поддались на лесть Филиппа и не заключили с ним союза, пока не сломили его могущества, и не уступили напору Антиоха, домогавшегося владений в Греции.

Антиох III, прозванный Великим (241–187 до н. э.), стал царем в восемнадцатилетнем возрасте, был одним из правителей государства Селевкидов (монархия, образовавшаяся после распада империи Александра Македонского), потерпел поражение от Рима в войне за влияние в Восточном Средиземноморье.

Филипп V Македонский, царь Македонии, воевал на стороне римлян против Антиоха III. Талантливый военачальник и опытный дипломат. Несмотря на свой опыт и таланты, потерпел поражение, в результате чего был вынужден заключить с Римом сначала мир, а затем и союз, потеряв при этом владения в Греции, Кarii и другие, а также сдав македонский флот.

Римляне поступали так, как надлежит поступать всем мудрым правителям, то есть думали не только о сегодняшнем дне, но и о завтрашнем, и старались всеми силами предотвратить возможные беды, что нетрудно сделать, если вовремя принять необходимые меры, но если дожидаться, пока беда грянет, то никакие меры не помогут, ибо недуг станет неизлечимым.

Здесь происходит то же самое, что с чахоткой: врачи говорят, что в начале эту болезнь трудно распознать, но легко излечить; если же она запущена, то ее легко распознать, но излечить трудно. Так же и в делах государства: если своевременно обнаружить зарождающийся недуг, что дано лишь мудрым правителям, то избавиться от него нетрудно, но если он запущен так, что всякому виден, то никакое снадобье уже не поможет.

Римляне, предвидя беду заранее, тотчас принимали меры, а не бездействовали из опасения вызвать войну, ибо знали, что войны нельзя избежать, можно лишь оттянуть ее – к выгоде противника. Поэтому они решились на войну с Филиппом и Антиохом на территории Греции – чтобы потом не пришлось воевать с ними в Италии. В то время еще была возможность избежать войны как с тем, так и с другим, но они этого не пожелали. Римлянам не по душе была поговорка, которая не сходит с уст теперешних мудрецов: полагайтесь на благодетельное время, – они считали благодетельными лишь собственную доблесть и дальновидность. Промедление же может обернуться чем угодно, ибо время приносит с собой как зло, так и добро, как добро, так и зло.

Но вернемся к Франции и посмотрим, выполнила ли она хоть одно из названных мною условий. Я буду говорить не о Карле, а о Людовике – он дольше удерживался в Италии, поэтому его образ действия для нас нагляднее, – и вы убедитесь, что он поступал прямо противоположно тому, как должен поступать государь, чтобы удержать власть над чужой по обычаям и языку страной.

Речь вновь идет о Людовике XII – Макиавелли считает его пример весьма показательным. Король Карл – это Карл VIII, прозванный Любезным, из династии Валуа. Карл в 1494 году захватил Неаполитанское королевство, при этом его армия встречалась местными жителями с восторгом – они считали Карла избавителем от несправедливых и жестоких правителей. Карл короновался в Неаполе, но пока он праздновал победу, составила коалиция против Франции, и в результате французской армии пришлось убраться восвояси в 1495 году. Владычество Франции в Неаполе продолжалось менее года.

Король Людовик вошел в Италию благодаря венецианцам, которые, желая расширить свои владения, потребовали за помощь половину Ломбардии. Я не виню короля за эту сделку: желая ступить в Италию хоть одной ногой и не имея в ней союзников, в особенности после того, как по милости Карла перед Францией захлопнулись все двери, он вынужден был заключать союзы не выбирая.

Следует заметить, что в случае с Карлом VIII венецианцы выступили против Франции в союзе с антифранцузской коалицией, но впоследствии желание расширить свои владения подвигло их на новый союз – уже с французским королем.

И он мог бы рассчитывать на успех, если бы не допустил ошибок впоследствии. Завоевав Ломбардию, он сразу вернул Франции престиж, утраченный ею при Карле: Генуя покори-лась, флорентийцы предложили союз; маркиз Мантуанский, герцог Феррарский, дом Бентиво-льи, графиня Форли, властители Фаэнцы, Пезаро, Римини, Камерино, Пьомбино, Лукка, Пиза, Сиена – все устремились к Людовику с изъявлениями дружбы. Тут-то венецианцам и пришлось убедиться в опрометчивости своего шага: ради двух городов в Ломбардии они отдали две трети Италии.

Рассудите теперь, как легко было королю закрепить свое преимущество: для этого надо было лишь следовать названным правилам и обеспечить безопасность союзникам: многочис-ленные, но слабые, в страхе кто перед Церковью, кто перед венецианцами, они вынуждены были искать его покровительства; он же мог бы через них обезопасить себя от тех, кто еще оставался в силе. И, однако, не успел он войти в Милан, как предпринял обратное: помог Папе Александру захватить Романью.

Папа Александр – Александр VI, урожденный Родриго Борджиа (Борджа), второй Папа Римский из рода Борджиа. Он не только пожелал объединить папские области, но и осуществил это, создав централизованное государство и устранив от управления папскими городами феодальные роды, которые де-факто владели этими территориями, отказываясь подчиняться папской юрисдикции.

Он не заметил, что этим самым подрывает свое могущество, отталкивает союзников и тех, кто вверился его покровительству, и к тому же значительно укрепляет светскую власть папства, которое и без того крепко властью духовной. Совершив первую ошибку, он вынужден дальше идти тем же путем, так что ему пришлось самому явиться в Италию, чтобы обуздать честолюбие Александра и не дать ему завладеть Тосканой. Но Людовику как будто мало было того, что он усилил Церковь и оттолкнул союзников: домогаясь Неаполитанского королевства, он разделил его с королем Испании, то есть призвал в Италию, где сам был властелином, рав-ного по силе соперника, – как видно, затем, чтобы недовольным и честолюбцам было у кого искать прибежища. Изгнав короля, который мог стать его данником, он призвал в королевство государя, который мог изгнать его самого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.